

г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – С. 4398.

⁷ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52. – Ст. 7557.

⁸ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

⁹ Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

¹⁰ Постановление Конституционного суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П // Российская газета. – 2010. – № 5365.

Арсланова Сэсэг Баировна*,
*студентка Иркутского юридического института (филиала)
ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
(г. Иркутск)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ИНТЕРЕСЫ МИРА И БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В Российской Федерации установлена ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Основы соответствующих запретов были заложены проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, Нюрнбергским и Токийским трибуналами. После имплементации в отечественное законодательство они представлены в ст.ст. 353 – 360 УК РФ 1996 года. Однако самого по себе существования названных статей уголовного закона мало. Работает ли этот механизм правовой защиты, созданный международным сообществом?

Предлагаем взглянуть на проблему с позиции именно уголовного преследования виновных в совершении международных преступлений. Попытки поиска соответствующей судебной практики последних лет не увенчаются успехом, несмотря на наличие множества военных столкновений с применением запрещенных методов и средств ведения войны. Как минимум, следует иметь в виду события в Ираке, Ливии, в Сирии, в Грузии, на территории Украины.

К примеру, призывы к уголовному преследованию отдельных лиц военного и политического руководства Грузии по признакам геноцида и военной агрессии, предпринятые Россией, были тщетны, правовой и политической поддержки со стороны зарубежных государств не последовало.

* © Арсланова С.Б., 2015

И чем же это обусловлено? Почему уголовные дела по обвинению виновных лиц в совершении международных преступлений не находят своего логического завершения при попытках вывести их на уровень международного уголовного суда? И что ведет к омертвлению норм действующего законодательства России о преступлениях против мира и безопасности человечества? Причина не в последнюю очередь связана с бланкетными диспозициями упомянутых статей УК РФ, с незыблемой связью признаков составов международных преступлений с другими законодательными актами. Считаем необходимым обратиться к основным правовым категориям рассматриваемого нами раздела отечественного уголовного закона.

Начнем со ст. 353 УК РФ. Понятие агрессии (агрессивной войны) дается в решениях Генеральной Ассамблеи ООН, в частности в специальной резолюции от 14 декабря 1974 г. Агрессия определяется как «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций».

Один из видов альтернативного уголовно наказуемого деяния – развязывание агрессивной войны. Актом агрессии Резолюция считает вторжение или нападение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства или любую военную оккупацию или аннексию; бомбардировку вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства..., и если продолжать смотреть дальше, то там, в качестве субъекта везде фигурирует «государство».

Особое внимание хотелось бы обратить на норму, устанавливающую запрет на применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ). «Основные правила», характеризующие методы и средства ведения войны, закреплены в первом Дополнительном протоколе 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Запрещенные методы ведения войны предполагают, что запрещается отдавать приказ «не оставлять никого в живых, угрожая этим противнику, или вести военные действия на такой основе», запрещается незаконно использовать отличительную эмблему Красного Креста, ООН, а также флаги, эмблемы, форменную одежду нейтральных стран или государств, не находящихся в конфликте.

Первый вид альтернативного уголовно-наказуемого деяния – жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением (метод). Режим военного плена определяется в основном Женевской конвенцией об обращении с военнопленными 1949 г. Вторым деянием признается, разграбление национального имущества на оккупированной территории.

К средствам же ведения войны чаще всего относят применение запрещенного вида оружия. Запрещено употребление взрывчатых и зажигательных пуль (1968 г.), запрещено применение снарядов, распространяющих

удушающие и вредоносные газы, а также легко разворачивающихся и сплюсчивающихся пуль (1899 г.) и т.п.

Далее, особое внимание законодатель уделяет некоторым методам ведения войны, выделяя их в отдельные статьи закона, однако, не включая их строго в рамки ведения войны. Это геноцид (ст. 357 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ) и наёмничество (ст. 359 УК РФ).

Если говорить о смысле ст. 359 УК РФ об ответственности за наёмничество, то следует отметить, что определение, данное в примечании статьи, вторит определению из Дополнительного протокола I к Женевской конвенции 1949 г. Наёмником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей¹.

Несложно заметить, что основной проблемой применения названных статей УК РФ 1996 года, являющихся наследием Нюрнбергского трибунала, стало понимание современных войн. Современные государства умело варьируют способами ведения вооружённых конфликтов и грамотно обходят положения действующих конвенций, а отсюда – национальные уголовно-правовые нормы. Обусловлен этот факт новшествами политики, новшествами экономических отношений, новой архитектурой международных отношений.

На основе изучения теории, мы делаем вывод, что фактически субъектами в ст. ст. 353, 356 УК РФ могут быть лишь только представители государства, т.е. лица, направляющие ход политики или ведения военных действий от стратегического до оперативного и, возможно, тактического уровня.

Вместе с тем, в настоящее время наблюдается существование новых субъектов вооруженных конфликтов, которые не обозначены еще законодательно в качестве сторон войны или в качестве субъектов большинства международных преступлений. Дело в том, что многие войны теперь ведутся не лично государствами. В этой стезе, в науке рассуждают про «hybrid warfare» – мультиузловые гибридные войны, проводимые как государствами, так и различными негосударственными акторами. К числу последних относятся, например, надгосударственные крупные корпорации и террористические сообщества.

Сирия, Ливия, Мексика и Афганистан могут служить примерами такой гибридной войны. Скажем, нарковойна в Мексике, в которой с 2006 г. погибло более 50 тыс. человек, напрямую связана с внутренней борьбой за сферы влияния между наркокартелями, коррупцией в правоохранительных органах и вмешательством США. Можно вспомнить и серьезные боевые действия с применением авиации с обеих сторон, когда в 1980-х – начале 1990-х годов в Колумбии правительственные войска противостояли местным наркокартелям.

Другой пример: гражданское противостояние в Сирии, начавшееся весной 2011 года. С точки зрения буквального толкования норм международ-

ного права в этой стране состояния войны нет. Однако в материально-техническом отношении антиправительственные силы (боевики) были подержаны Саудовской Аравией, Катаром, Турцией и США. В это же время правительство Сирии поддержано Ираном, Россией, КНР, КНДР и Венесуэлой. По причине значительного участия иностранных государств, некоторые эксперты рассматривают сирийский конфликт как опосредованную войну – «*proxu war*», война чужими руками.

В свою очередь, конфликт в Сирии привел к серьезной дестабилизации обстановки в соседних странах – в Ираке, Ливии, где практически война шла по тому же «сценарию» и с теми же актерами, а сейчас связана с активизацией крупнейшей исламской террористической группировкой «Исламское государство». В Афганистане имеет место некое сочетание местных племен, ветеранов афгано-советской войны (т.н. моджахедов), движения «Талибан» и «Аль-Каеды», которые обеспечивают финансирование своей деятельности за счет производства опиума, а также сбора средств со стороны исламистов-салафитов. Методы деятельности – атаки на базы НАТО и транспортные конвои, террористические акты и убийства отдельных лиц. При этом ответные действия со стороны США и НАТО, как правило, приводят к серьезным жертвам среди мирных людей, способствуют поддержке боевиков местным населением, однако преступлениями против мира и безопасности человечества действия ни тех, ни других сил признаны быть не могут.

Непреренно вызывают интерес частные военные компании – «*private military company*», именуемые также наемниками в белых воротничках. Это коммерческие предприятия, предлагающие специализированные услуги, связанные с охраной, защитой (обороной) кого-либо и чего-либо, нередко с участием в военных конфликтах, а также со сбором разведывательной информации, стратегическим планированием, логистикой и консультированием. «Green Group», «Greystone», «Blackwater», в дальнейшем переименованное в «Academi» (участвовали в Ираке), «G4S» (организованная в Великобритании), «Группа R» (участие в Афганистане), «MPRI» (участие в Грузии), «Белый легион» (действия на африканском континенте). Подобные компании имеют большие возможности и ресурсы и пользуются откровенным покровительством определенных правительств, поэтому даже после кровавых расправ с мирным населением ни один наемник не был привлечен к ответственности и даже не уволен.

Действия многих названных де-факто субъектов международных отношений² и военных столкновений по действующему международному праву нельзя признать ведением агрессивной войны. Дело в том, что резолюция ООН от 14 декабря 1974 г. агрессией признает применение вооруженной силы лишь только государством. При этом подобные субъекты – группы, спонсируемые государствами, а также сверхкорпорациями, или крупные формирования, которые сами финансируют свою деятельность, – все они имеют равный доступ к военному потенциалу наравне с теми же государствами, а

потому могут представлять не меньшую угрозу миру и безопасности человечества.

По тем же причинам многие фактические случаи найма людей в воюющие отряды не подпадают под состав наёмничества. Не секрет, что наши граждане на Донбассе участвуют в боевых действиях на стороне ополчения, и там же – в «Правом секторе», в батальонах Национальной гвардии. В Сирии граждане России участвуют в конфликте как на стороне правительства Башара Асада, так и на стороне повстанцев. Имеются участники Исламского государства, «Талибана» и т.п. Возникает закономерный вопрос: как расценивать агрессивную военную деятельность тех же террористических организаций, и других подобных им «квази оппозиционеров», а также частных военных компаний, если они не подпадают под характеристики субъектов «права международных конфликтов».

Здесь следует обратить внимание на уголовные дела по фактам артиллерийских обстрелов территории юго-востока Украины, в результате которых были убиты и ранены трое несовершеннолетних. Они возбуждены в 2014 году ГСУ СК РФ по признакам преступлений, предусмотренных п.п. «а, в, е, ж, л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом) и ч.1 ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны). Имеются уголовные дела с подобной квалификацией по фактам обстрелов г.г. Славянск, Краматорск, Донецк, Мариуполь и иных населенных пунктов юго-восточной части Украины. Расследуются они в отношении пока неустановленных военнослужащих Вооруженных сил Украины, а также Национальной гвардии Украины и представителей «Правого сектора»³.

Однако уже сейчас возникают сомнения по поводу перспектив применения ст. 356 УК РФ. Во-первых, существует ли состояние войны на территории Украины? Де-юре войны нет, а есть антитеррористическая операция, регулируемая нормами национального права Украины. При этом власти Украины не считают ДНР и ЛНР стороной каких-либо международных сношений, а признают их сепаратистскими и террористическими сообществами. Стоит помнить и тот факт, что положение Конвенции ООН 1907 г. не отменяет такую договорную норму, как объявления войны, и война не объявлена. Во-вторых, даже технически возникнут сложности в установлении формы вины, а для ст. 356 УК РФ она должна быть умышленной.

В этой связи невозможно не обратить внимание на постановление № 2332 «Отпор вооруженной агрессии Российской Федерации и преодоление ее последствий», принятое Верховной Радой 21 апреля 2015 г. Этот документ обозначил начало российско-украинской войны: 20 февраля 2014 г. По всей видимости, признавая действия российского правительства развязыванием и ведением агрессивной войны, запад отрабатывает методы защитных действий от своих же методов гибридных войн, готовят почву, возможно, для нового трибунала. Какого-нибудь московского или киевского.

Неоспорим тот факт, что в соответствии с тенденцией развития международного права нормы и принципы в части определения запрещенности средств и методов ведения войны распространяются и на вооруженные конфликты на территории одного государства, т.е. на его внутренние вооруженные конфликты. Дело в том, что объектом указанных норм и принципов могут быть и вооруженные конфликты немеждународного характера. Это вытекает, например, из Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв международных вооруженных конфликтов 1949 г.

Можно сказать, что в настоящее время международное право движется в сторону отказа от традиционного понимания терминов «война» и «право войны» и переходу к термину «право вооруженных конфликтов» (или «международное гуманитарное право, применяемое в условиях вооруженных конфликтов»). В то же время, если понимание «право войны» трансформировалось, то по логике вещей требуется реформирование представлений о субъектах «права международных конфликтов» посредством пересмотра, внесения дополнений в Конвенции, предусматривающие ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, потому как существующие сейчас конвенционные нормы влекут омертвление норм раздела 12 УК РФ.

В перспективе, если проделать работу над созданием международного правового института права вооружённых конфликтов, стало бы возможным по новым правилам криминализовать в национальном уголовном законодательстве деяния террористических сообществ, частных военных компаний и других субъектов вооружённых конфликтов, и привлекать виновных лиц к ответственности по правилам ст. ст. 11 и 12 УК РФ.

За неимением соответствующих по актуальности и охвату правовых норм, российский законодатель ищет иные пути установления ответственности за преступления против человечности. Например, в УК РФ были внесены поправки в ч. 2 ст. 208 УК РФ⁴, которыми установлена ответственность за участие в незаконных вооружённых формированиях, действующих за пределами Российской Федерации.

По существу дела, мы видим деяния, подобные составу наёмничества, однако выведенные за рамки раздела 12 УК РФ, хотя и с вынужденным существенным дополнением – с признаком незаконности вооруженного формирования. Фактически данная норма расширяет современное понимание войны, но делает вполне ожидаемую для любого государства оговорку через обязательный функциональный признак вооружённого формирования, признаваемого незаконным, – «в целях, противоречащих интересам Российской Федерации».

Кроме того, в соответствии с законодательством о противодействии терроризму и экстремистской деятельности, а также благодаря ст.ст. 208, 205.4, 205.5, 282.1 и 282.2 УК РФ российские власти получили возможность (и используют её) по признанию деятельности отдельных формирований, в том числе и вооружённых, террористическими либо экстремистскими. Это

даёт нашей уголовной юстиции в руки признак «запрещённости» и возможность уголовного преследования за участие в вооружённых конфликтах за пределами России (с учётом правил из ст.ст. 11 и 12 УК РФ). Так уже поступили с «Правым Сектором», «Тризубом», УНА УНСО, «Исламским государством», и др. Гипотетически этот опыт может быть распространён и на частные военные компании. В этом также видится особенность адаптации национального уголовного законодательства к современной архитектуре международных отношений.

¹ Практика применения уголовного кодекса российской федерации комментарий судебной практики и доктринальное толкование / А.В. Наумов, под редакцией Г.М. Резника. – М.: Волтерс Клувер, 2006 / [Электронный ресурс]. – goo.gl/IWOU9D

² А ведь с силами Сирийской оппозиции проводились переговоры, в том числе в Москве, с Исламским государством предлагалось провести переговоры в рамках ООН.

³ Уголовные дела, расследуемые управлением по расследованию преступлений, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны ГСУ СК РФ / [Электронный ресурс]. – goo.gl/0KIW9I.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 44. – Ст. 5641.

Белоножко Евгений Евгеньевич*,
*студент Иркутского юридического института (филиала)
ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
(г. Иркутск)*

БАНКОВСКОЕ РЕЙДЕРСТВО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Финансовый кризис 2008 года породил нового субъекта рейдерского захвата – банк и (или) кредитную организацию. Рейдерский захват, осуществляемый с участием банков и (или) кредитных организаций, в научной литературе получил наименование – банковское (кредитное) рейдерство¹. Объектом рейдерского захвата, осуществляемого с участием банков и (или) кредитных организаций, является имущество и (или) имущественные права юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц.

Прежде чем раскрывать понятие «банковское рейдерство» необходимо рассмотреть типичную схему рейдерского захвата, осуществляемого с участием банка или кредитной организации. Так, банк или кредитная организа-

* © Белоножко Е.Е. 2015